

КАРМИР - БЛУР

(Предварительный отчет о раскопках 1940 г.).

Систематическое изучение Кармир-блур началось лишь с 1939 г. Случайно обнаруженный геологом Демехиным обломок урартской надписи с именем царя Русы, сына Аргишти, правившего в VII в. до н. э., и находки местных жителей при добыче камня на территории древнего городища привлекли к этому памятнику внимание. Можно было предполагать, что крепость на холме и прилегающее к ней с запада древнее поселение относятся к урартскому времени. Раскопки прошлого года это предположение подтвердили. Для исследования были выбраны два участка—большой продолговатый холм в северо-восточной части городища и примыкающий к нему с западной стороны холм меньшего размера. Было выяснено, что оба холма заняты развалинами двух монументальных зданий, причем встреченный при раскопках материал датировал их урартским временем, хотя на большом восточном холме имеются наслоения более поздние, относящиеся к средневековью. Работы 1940 г. явились прямым продолжением работы прошлого года: они также были сконцентрированы на этих двух холмах. Раскопки велись совместно—Армянским Филиалом Академии Наук СССР и Государственным Эрмитажем по единому плану, но двумя отдельными отрядами—отряд АрмФАН-а обследовал северную часть восточного холма, включая и внешние крепостные стены, а отряд Эрмитажа продолжал изучение здания на западном холме.

Экспедиция работала с 1 августа по 22 сентября в составе: профессора С. В. Тер-Аветисяна (начальник отряда АрмФАН-а), старшего научного сотрудника Эрмитажа Б. Б. Пиотровского (начальник отряда Эрмитажа), профессора Эрмитажа Н. М. Токарского, старшего научного сотрудника АрмФАН-а К. Кафадаряна, научного сотрудника Эрмитажа С. Н. Аносова, научного сотрудника Эрмитажа А. П. Султан-шах, аспиранта АрмФАН-а А. Мнацаканяна, аспиранта Эрмитажа П. Арутюняна, практиканта Р. М. Джанполадяна и фотографа А. Вруйр. Кроме того, в качестве практикантов работали студенты Ленинградского Государственного Университета и Всесоюзной Академии Художеств.

Работы 1940 г. значительно расширили наши знания по Кармир-блuru и дали возможность выяснить характер исследуемых зданий, являвшихся дворцом урартского наместника.

На западном холме широким раскопом был раскрыт западный фасад дворца, очень характерный по своим архитектурным формам. По обоим краям фасад здания имел большие выступы наподобие башен, а в средней части два контрфорса (рис. 1).

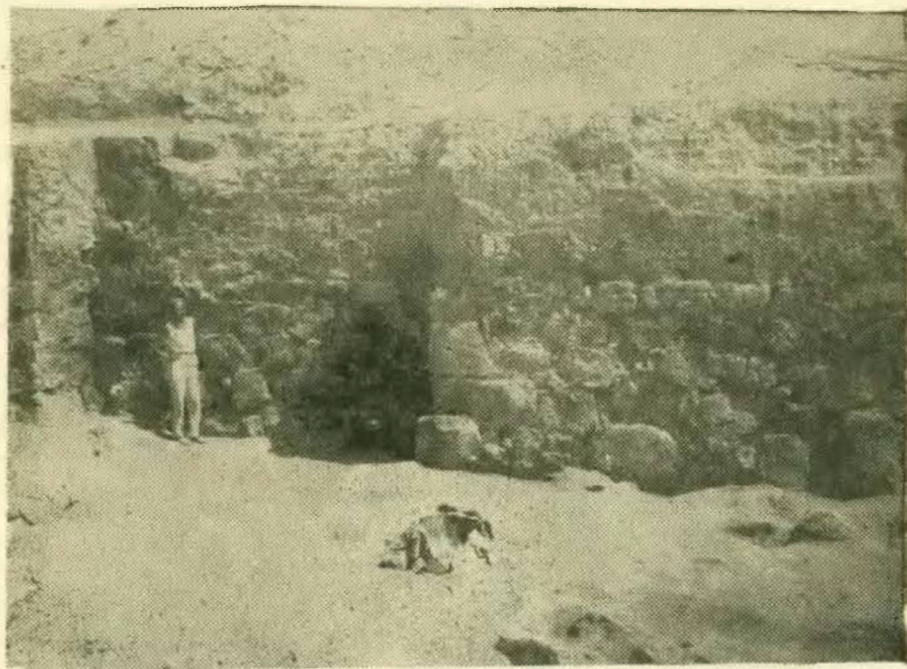

Рис. 1. Западный фасад дворца.

Нижняя часть стены на высоту около 2 м. была сложена из крупных, грубо обработанных каменных глыб, без применения связующего вещества, т. е. сухой кладкой. На этом массивном каменном фундаменте возводилась кладка из сырцового кирпича также очень крупных размеров. Длина кирпичей равнялась 51 см., ширина 35 см., а толщина 14 см. Толщина внешней стены достигала 3,5 м., т. е. возводилась из 10 рядов кирпича, а внутренней—2,1 м., т. е. из 6 рядов кирпича.

Снаружи и каменный фундамент и верхняя кирпичная кладка были покрыты толстым слоем глиняной обмазки со значительной примесью рубленой соломы. Этот прием очень характерен для ассирийских построек, как это можно видеть по материалам из Ашура, древней столицы Ассирии. Это сходство постройки на Кар-

мир-блуре с древней архитектурой Передней Азии не ограничивается только одним внешним видом.

Расположение помещений в здании на Кармир-блуре имеет очень много общего с планировками дворцов древней Месопотамии, хотя на Кармир-блуре, повидимому, отсутствует внутренний двор, характерный для дворцовых построек Ассирии, как это видно на примере хотя бы Дур-Шаррукина, дворца Саргона.

Здание на западном холме Кармир-блур имело вид вытянутого по направлению восток-запад прямоугольника, с удлиненными комнатами, расположенными по его оси (рис. 2). Комнаты большей

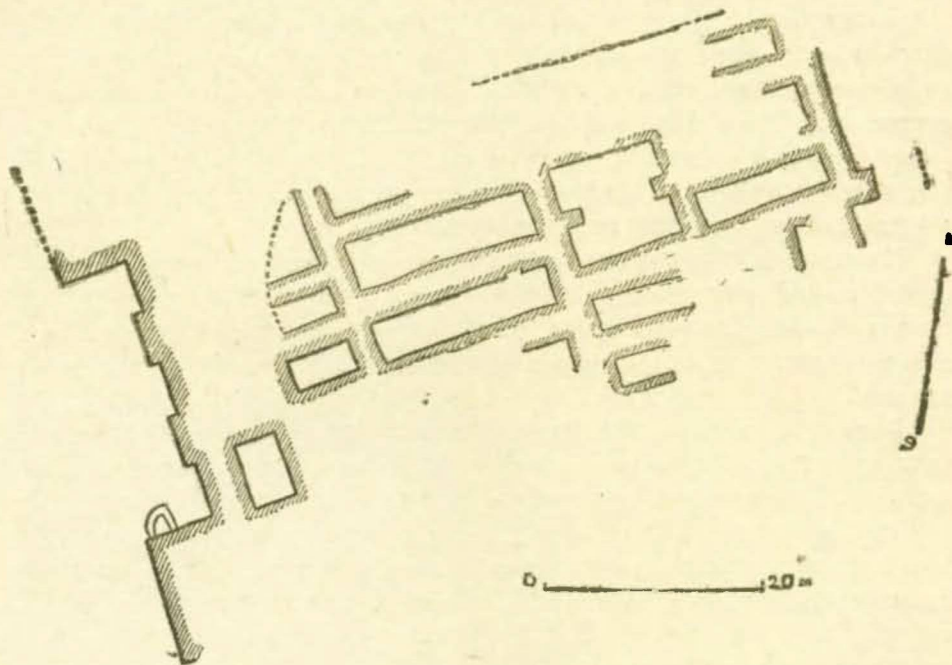

Рис. 2. Общий план западного здания.

частью очень длинные, до 20 метров, но ширина их не превышает 4,5 м. Такая сравнительно незначительная ширина помещений определялась их перекрытием, которое представляло собою бревенчатый накат. При раскопках часто обнаруживались рухнувшие вниз обугленные бревна потолка.

Стены комнат были очень высокие, в некоторых из раскопанных помещений они сохранились на высоту до 7 м., но в древности они, несомненно, были еще выше. Такая высота помещений, характерная и для дворцовых построек Передней Азии, имела целью создать прохладу внутри здания. Никаких данных для того, чтобы считать эти помещения двухэтажными, при раскопках установлено не было. Отсутствуют какие бы то ни было следы междуэтажных

перекрытий, и, кроме того, нижний этаж строения должен был бы быть абсолютно темным, т. к. в стенах нет окон. Комнаты освещались верхним светом, очень возможно, что здание в верхней своей части имело каменный карниз с оконными проемами. В открытых комнатах были обнаружены хорошо отесанные базальтовые блоки, по теске совершенно отличающиеся от средневековых строительных камней. Положение этих камней свидетельствует о том, что они обрушились с большой высоты.

Из внутренних помещений западного дворца в 1940 г. раскапывалось лишь одно помещение, начатое еще в прошлом году.

Более интенсивная расчистка внутренних помещений производилась в восточном здании, над которым работал отряд АрмФАН-а. Там обследовалось семь помещений разного размера и различного назначения. Кроме больших зал, производилась расчистка коридора и небольших помещений, одно из которых, по всей вероятности, представляло собой зернохранилище, так как в нем был найден целый слой обуглившихся зерен пшеницы и проса.

Комнаты примыкали к внешней стене крепости, весьма любопытной по своему плану. Линия стены не была прямолинейной, а имела целый ряд выступов ромбической формы, что являлось, скорее всего, декоративным приемом, а не чисто фортификационным.

Раскопки восточного здания дополнили наши знания относительно урартской архитектуры. В одном большом зале удалось открыть пол, сложенный из очень массивных кирпичей квадратной формы. Сверху эти кирпичи покрывались еще толстым слоем глины, но чаще всего пол в помещениях был просто земляной. Иногда под полом шел желоб, являвшийся, вероятно, частью канализационной системы. Такой желоб, идущий через две комнаты, был обнаружен при раскопках восточного здания.

Стены внутренних помещений были покрыты толстым слоем (до 1,5 см.) обмазки, иногда из глины с примесью рубленой соломы, а иногда из хорошо отмученной глины. В последнем случае на поверхности стены прочерчивались контуры кирпичной кладки. Глиняной обмазкой покрывались также и камни фундамента в основании стен.

Повидимому, подобно дворцам Передней Азии, стены внутренних помещений зданий на Кармир-блуре украшались коврами и узорчатыми цыновками. В ассирийских дворцах ковры и цыновки прикреплялись к стенам посредством гвоздей, с богато орнаментированной фаянсовой головкой, обозначавшихся в клинописи термином „зигатту“. Во время раскопок 1939 г. в одной комнате западного здания был найден крупный бронзовый гвоздь, очень напоминающий по своей форме ассирийские зигатту (рис. 3). Такой же гвоздь

был найден Н. Я. Марром при раскопках в 1916 г. на Топрах-Кале, у Вана. Вполне вероятно, что в урартских постройках этими гвоздями прикреплялась драпировка стен.

Кроме ковров и циновок, стены внутренних помещений дворца украшались крупными бронзовыми щитами, декоративного назначения. Два таких щита были найдены при раскопках восточного здания. Первый из них, чрезвычайно плохой сохранности, был обнаружен прислоненным к стене, наружу внутренней стороной, второй же был открыт в оползне стены, всего лишь на глубине нескольких см. от поверхности земли (рис. 4). Щиты эти имели сильно выдающуюся вперед среднюю часть и широкий борт по краю. Декоративные бронзовые щиты из центральной

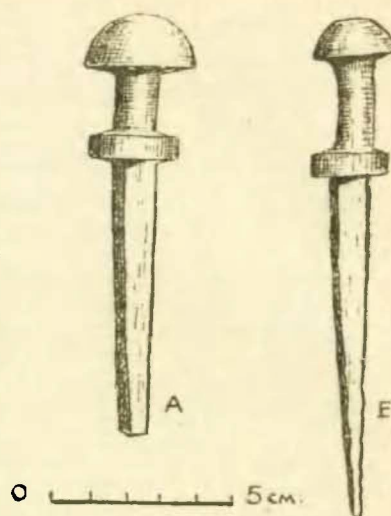

Рис. 3. Бронзовые гвозди:
А. из раскопок Н. Я. Марра на Топрах-Кале, у Вана, 1916 г.
Б. из раскопок на Кармир-блуре.

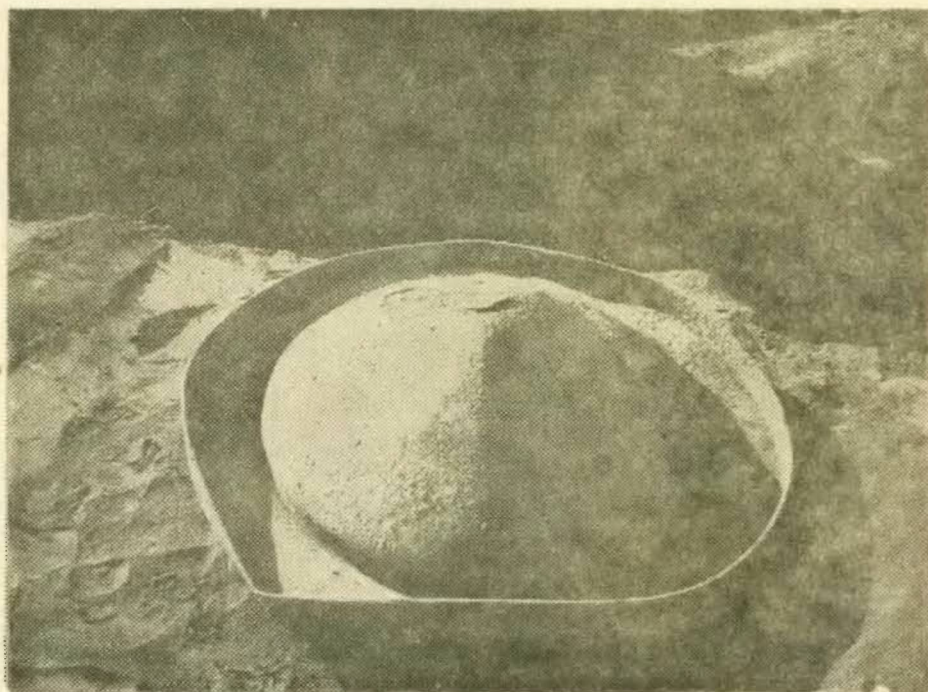

Рис. 4. Бронзовый декоративный щит.

части Урарту были известны и раньше. Еще в 1880 г. при раскопках Рассамом храма на Топрах-Кале и позднее при случайных раскопках были обнаружены обломки щитов с надписями по борту, содержащими имена урартских царей—Русы, сына Аргишти, и Русы, сына Эримены. Щиты были изготовлены из тонкого бронзового листа и украшены фигурами животных—быков и львов, расположенных в концентрических полосах.

Рис. 5. Бронзовый колчан (средн. часть).

Ассирийский текст, описывающий этот эпизод, указывает, что в храме было взято шесть золотых щитов, украшенных головами собак, и двенадцать серебряных щитов с головами драконов, львов и туров. В тексте отмечается, что эти щиты, висящие на стене, блестяще ослепительно.

Вероятно, и щиты, обнаруженные на Кармир-блуре, тоже имели блестящую поверхность.

Фигуры были штампованными, но поверхность их дополнительно была обработана еще гравировкой, передающей детали. По-видимому, эти щиты украшали наружные и внутренние стены храма на Топрах-Кале.

На одном рельефе из дворца Саргона была изображена сцена разграбления ассирийцами урартского храма в Мусасире. Фасад этого храма также передан украшенным щитами, по своей форме очень напоминающими декоративные щиты, найденные на Кармир-блуре. Та же сильно выдающаяся вперед средняя часть и широкий борт. Некоторые из щитов Мусасирского храма имеют еще умбоны в виде голов животных.

Кроме щитов, стены помещений восточного здания были украшены и другими бронзовыми вещами. Так, в одной из комнат был найден бронзовый колчан, являющийся характерным образцом урартского искусства (рис. 5—6).

Колчан этот представляет собою трубку, длиною в 66 см., образованную из согнутой бронзовой пластины. Диаметр трубки около 10 см. В верхней и нижней частях колчана имеются приклепанные кольца для ремня.

Колчан украшен восемью полосами с изображениями конных воинов и боевых колесниц. Изображения эти, подобно изображениям на бронзовых щитах из Топрах-Кале, выполнены штампом и сверху разделаны гравировкой. Колчан еще не поступал в реставрацию, и патина, занимающая всю его поверхность, сплошь закрывает также и все изображения. Но отчетливо можно различить, что в каждой полосе помещается по три изображения конных воинов и по два изображения колесниц.

Этот колчан обогащает наши знания по военной технике урартов. Здесь впервые встречаются изображения урартской конницы и колесниц, о которых было известно лишь по урартским клинописным текстам.

Всадники вооружены копьями и держат в руках небольшие круглые щиты. На колесницах помещены по две фигуры—одна без-

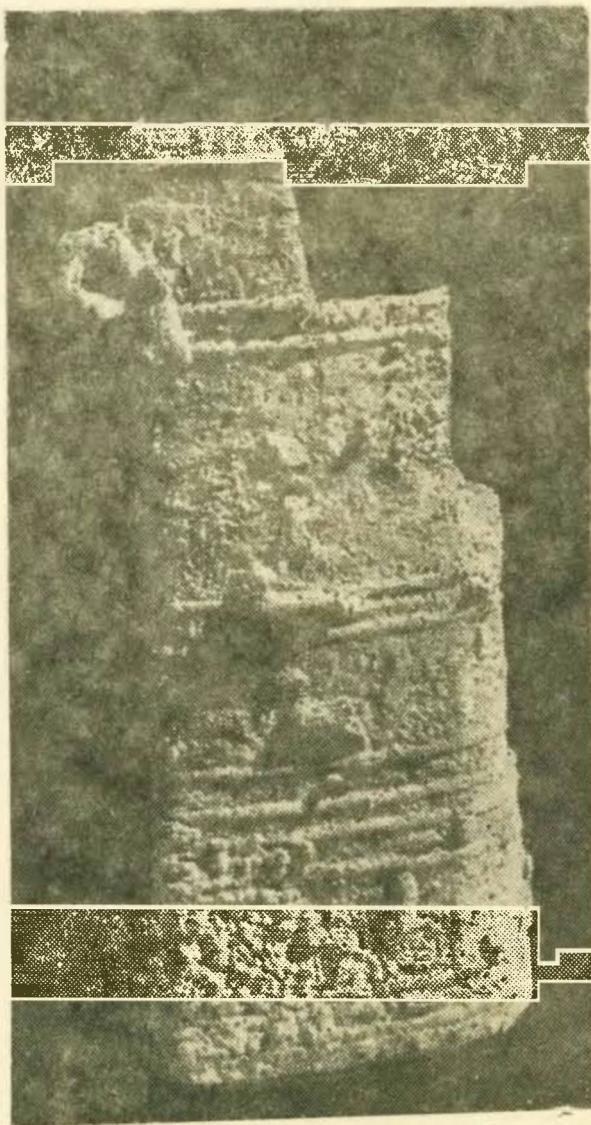

Рис. 6. Бронзовый колчан (нижняя часть).

бородая, другая бородатая, обе они имеют, подобно всадникам, остроконечные шлемы (рис. 7).

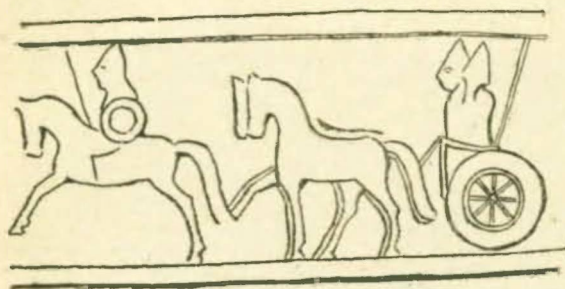

Рис. 7. Изображения на колчане.

Этот колчан является исключительным памятником урартского искусства. По своему стилю, изображения на нем очень напоминают ассирийские образцы, в частности, значительно более ранние изображения на бронзовых обшивках деревянных ворот из дворца Салманасара III на Балаватском холме, около Ниневии. Дворец на Кармир-блуре погиб, по всей видимости, при внезапном нападении, и поэ-

тому его развалины сохраняют и большое количество мелких предметов. В одной из комнат западного дворца были найдены остатки коробочки или мешочка из березовой бересты, в которой хранились бусы очень разнообразной формы. Кроме круглых сердоликовых бус, очень крупных по своему размеру, встречены продолговатые бусы боченковидной формы из агата и других камней. Имеются также бусы из пасты и цветного стекла (желтая зигзагообразная линия по черному фону). Но особый интерес представляют три урартские печати, найденные среди бус (рис. 8). Все они имеют форму гирек, две из них каменные, одна бронзовая. На нижней части первой печати изображен лежащий лев, над которым помещен полумесяц, на другой имеется изображение грифона; рисунок на третьей не различим, т. к. печать сплошь покрыта патиной. Находка урартских печатей на Кармир-блуре представляет большой интерес, кроме более или менее точной датировки памятника, эти печати являются очень редкими для Закавказья.

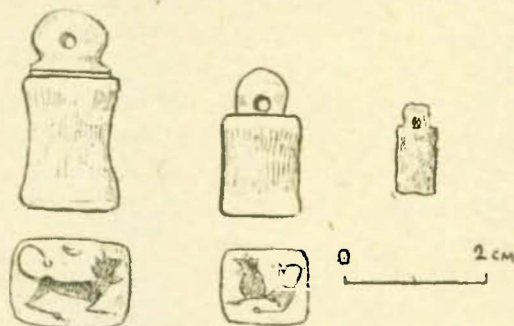

Рис. 8. Урартские печати из комнаты западного здания.

До сих пор известно только шесть экземпляров урартских печатей, найденных в Закавказье. Две из них происходят из Армавира (материалы Н. Я. Марра), две из Цовинарской крепости, одна из могильника в Нор-Баязетском районе и одна из раскопок на Муханнат-тапа, в Ереване.

В той же комнате дворца, где были найдены бусы и печати, неподалеку от них были обнаружены две бронзовые чаши простой формы.

Находки керамики во внутренних помещениях как западного, так и восточного зданий сравнительно редки.

В западном дворце еще в 1939 г. был найден обломок кувшина, под ручкой которого было урартское иероглифическое клеймо. Подобный сосуд с тождественным клеймом обнаружен раскопками 1940 г., но уже в пристройках снаружи дворца. Эта керамика чрезвычайно интересна: кувшины с горлом—энохой и ручкой так же, как и чашки, с сильно изломанным профилем, по своим формам совершенно совпадают с керамикой из центральной части Ванского царства, различие же заключается лишь в технике изготовления. Лощение до блеска красной поверхности в Кармир-блуре заменяется лишь покраской сосуда красной краской. Не исключена возможность, что керамика, подражающая формам центральной части Урарту,—местного кармир-блурского изготовления и иероглифическое клеймо было маркой кармир-блурских гончарных мастерских.

Кроме изучения внутренних помещений западного здания, отряд Эрмитажа произвел раскопки у западного его фасада, открывшие целый ряд небольших жилищ, непосредственно примыкавших к фасаду.

Они так же, как и дворец, погибли при внезапном нападении и были сожжены. При пожаре их крыши, из тонких веток и прутьев, рухнули, расположение же вещей в жилищах осталось в неприкосновенности. К сожалению, до камеральной обработки материалов 1940 г. очень трудно дать полную картину и оценку материалов, поэтому придется ограничиться лишь описанием общей картины раскопок.

В каждом из жилищ сохранился очаг, наподобие тондыря,—или вкопанный в землю, как в современных армянских жилищах, или же возвышающийся над полом. Второй вид печи встречался в древней Ассирии, он же является характерным видом печи и в современных туркменских жилищах.

Около печи находились зернотерки и каменные чаши различного назначения. В каменных чашах, или просто в углублениях, высеченных в скале, являвшейся полом жилищ, посредством пестов производилось освобождение зерен от шелухи, и после этого они перетирались на зернотерках, представлявших собой овальные камни с

одной плоской стороной. Вращающихся жерновов в это время еще не было.

В непосредственной близости от очага находилось и зерно, хранившееся или в небольших зернохранилищах, высеченных в скале, или же, что встречается чаще, в больших карасах и в различных сосудах.

Зерна поражают своей прекрасной сохранностью, несмотря на то, что большая их часть найдена в обугленном виде. При раскопках встречены большие количества проса, пшеницы и ячменя. Имеются также зерна кунжута, вики и других злаков, пока еще не определенных.

Среди зерен злаков встречены также зерна сорняков, изучение которых дает реконструкцию древнего поля, так как каждый сорняк требует определенных условий.

Над этой темой, по материалам еще 1939 г., работает ботаник Академии Наук СССР В. А. Петров.

Совершенно несомненно, что встреченные в Кармир-блуре злаки требовали искусственного орошения. По урартским клинообразным надписям мы знаем, что урарты вопросам ирригации уделяли большое внимание. Надписи постоянно говорят о проводке оросительных каналов, некоторые из них сохранились и до настоящего времени.

При раскопках Звартноцкого храма в нем была случайно обнаружена большая стела с клинописным текстом, описывающим строительные работы урартского царя Русы, сына Аргишти, который, повидимому, является строителем крепости на Кармир-блуре.

В ней рассказывается, между прочим, и о проводке канала от реки Ильдаруниани. До сих пор не установлено место, откуда была доставлена в Звартноц эта стела, и можно предположить, что она происходит с Кармир-блур, так как Армавирские надписи, рассказывающие об отводе каналов от Аракса, содержат другое название реки. Занга около Кармир-блур имеет несколько каналов, и очень возможно, что сооружение некоторых из них относится к урартскому времени.

Судя по надписям, урарты заботились также и о разведении садов и виноградников; надо думать, что в древности и в кармир-блурской крепости были также фруктовые сады и виноградники. Во всяком случае, в материалах 1939 г. имеются косточки винограда. При раскопках также встречались обгорелые сучья винограда. Камеральная обработка органических остатков еще не закончена, и поэтому в настоящее время нельзя дать перечня пород деревьев, встреченных в Кармир-блуре. Но, несомненно, что, кроме лиственных пород, там имеются остатки хвойных деревьев.

При раскопках жилищ у западного фасада здания были встречены и сравнительно хорошо сохранившиеся деревянные предметы.

В 1939 г. были найдены крупная деревянная ложка, небольшие орнаментированные пряслица и ковши-совки, находившиеся в зерновых ямах. К концу 1940 г. количество деревянных предметов увеличилось; встречены также обломки деревянных сосудов, украшенных резным орнаментом.

Исключительный интерес представляет находка обрывков ткани, относительно которой, до ее камеральной обработки, к сожалению, ничего нельзя сказать. Встречены два типа ткани, одна—тонкая, другая же—грубая, мешочного вида.

Среди металлических предметов, найденных на Кармир-блуре, преобладают железные изделия: многочисленные ножи, иногда серповидной формы, крючки, гвозди и др.

Среди железных изделий встречены также предметы древнего вооружения: железный меч, длиною в 46 см., кинжалы с костяными и деревянными рукоятками, наконечники копий и стрел. Надо заметить, что железные изделия дошли в очень плохой сохранности. Весьма любопытно, что наряду с железными наконечниками стрел встречены также бронзовые, с длинным черенком (рис. 9). При раскопках западного фасада были найдены также и бронзовые наконечники иного типа, очень напоминающие вооружение скифов Причерноморья. Большая часть этих наконечников была найдена не в культурном слое поселения, а выше него; но об этом речь будет дальше.

Из бронзовых вещей, найденных как в жилищах у фасада западного здания, так и во внутренних помещениях дворца, следует упомянуть бронзовую фибулу, известную по могильникам VII—VI в. в. до н. э., бронзовый браслет, украшенный утолщениями, так же соответствующий этой датировке, и простые бронзовые гривны со спирально-загнутыми концами.

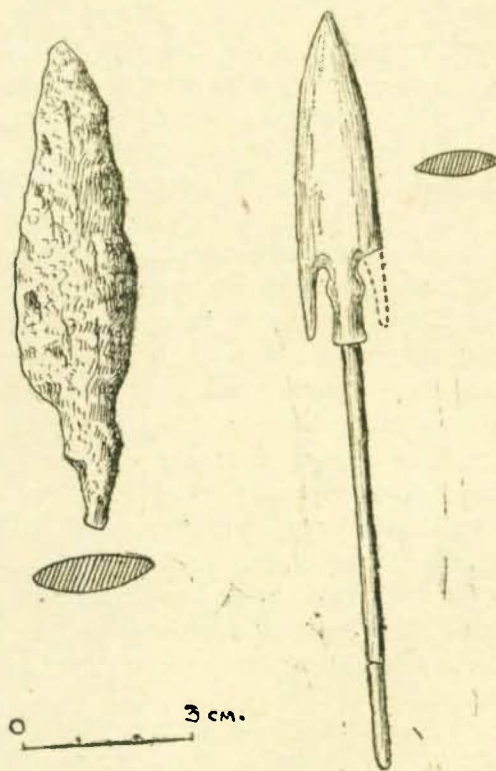

Рис. 9. Железный и бронзовый наконечники стрел из жилищ у западного фасада западного здания.

Из вещей, обнаруженных при раскопках жилищ, особенно интересной оказалась керамика, отличающаяся крайним разнообразием форм. Наряду с группой красных сосудов, возможно урартского происхождения, встречается группа сосудов грубой выделки, чрезвычайно архаических форм, украшенных гребенчатым или же вдавленным орнаментом. Сочетание этих обеих групп для истории материальной культуры Закавказья представляет большой интерес.

В некоторых жилищах были обнаружены также предметы украшения: сердоликовые и пастовые бусы, а также раковины—каури. Бусы имеют большое сходство с найденными во внутренних помещениях.

Как было уже указано, все жилища носят следы сильного пожара, их уничтожившего. Получается впечатление, будто бы разрушение этих жилищ, пристроенных к фасаду дворца, произошло одновременно с разрушением самого дворца. На это указывает сходство предметов, найденных в обоих местах. На полу одного из помещений дворца были найдены обломки кувшина с урартским клеймом, аналогичным обнаруженному и при раскопках жилищ.

Другая керамика из жилищ также обнаруживает полное сходство с керамикой дворца. Кроме того, полом жилищ у фасада служила скала, т. е. в то время, когда возводились жилища, верхняя часть стен дворца была еще цела. Но, с другой стороны, трудно думать, что одновременно с постройкой дворца, определенной архитектурной формы, к нему пристраивались жилища, закрывающие его фасад. Несомненно, они позднего времени, хотя и принадлежат одной и той же эпохе. А если постройку дворца мы отнесем к Русе, сыну Аргишти, т. е. к середине VII в. до н. э., то жилища можно предположительно отнести к началу VI в. до н. э.

Как мы видели, изучение жилищ древнего городища Кармир-блур представляет исключительный интерес, освещая быт и технику древнего населения Закавказья. Без преувеличения можно сказать, что Кармир-блур является музеем по истории техники древнейшего Закавказья,

Одновременно с раскопками в центральной части Кармир-блур было произведено исследование древнего могильника к югу от крепости, обнаруженного при постройке новых колхозных сооружений. Раскопки велись научным сотрудником Эрмитажа С. Н. Аносовым. На раскопке, площадью в 177 кв. метров, при снятии верхнего, дернового, слоя земли в значительной части участка были обнаружены выкладки из камня, в виде незамкнутых колец. Последнее обстоятельство объясняется, возможно, их частичным разрушением при выравнивании площадки.

Всего на вскрытой площади было раскопано 13 погребений, кроме того найдено отдельно два сосуда.

Могила, как правило, представляют собой групповые ямы вытянутой формы, ориентированные с севера на юг, с небольшими отклонениями. Исключение представляют два погребения, где стенки могилы были сложены из камня, причем в одной из них восточная стенка имеет небольшую нишу, перекрытую сверху плитой.

Глубина могил колеблется от 0,6 м. до 1,27 м., причем наиболее мелкими являются детские могилы.

Сохранность костей очень скверная, ввиду чего затруднительно было даже определить положение скелета. По всей видимости, покойник помещался в могилу, сидящим на корточках, но не исключена возможность и скорченного положения на боку. Инвентарь погребения в основном составляли глиняные сосуды различных типов, доходя по количеству до 8 шт. в одном погребении. Помещались они обычно в северной части могилы, около головы покойника.

Кроме сосудов, в могильнике было найдено: несколько мелких стеклянных и сердоликовых бус, плоский бронзовый браслет, бронзовая согнутая игла и бронзовое колечко. В одной из могил обнаружено шесть плоских наконечников стрел изящной формы, изготовленных из темного и прозрачного обсидиана. Материал из могильника не находит себе аналогий в материале, добытом при раскопках центральной части Кармир-блур, керамика и металлические изделия совершенно отличны.

Могильник у Кармир-блур входит в круг могильников, известных около Еревана, но до сих пор не имеющих еще твердую датировку.

Большое сходство он обнаруживает с могильником у крепости Кизил-Кала, на берегу Занги, против Канакира, раскопанным в 1896 г. П. В. Чарковским. Там были открыты две группы курганов, первая — с погребениями конца II тысячелетия до н. э., вторая же — начала I тысячелетия. Керамика из курганов второй группы очень близка к керамике из могильника у Кармир-блур; некоторое сходство наблюдается и в отношении бронзовых предметов.

Часть керамики из могильника имеет соответствие в материале из „циклопических крепостей“ Арагаца. В частности, керамика с семячковым орнаментом на плечиках сосуда и зарубками по краю днища происходит из Хоромы.

В то время как центральная часть крепости Кармир-блур не дает аналогий с керамикой из могильника, в поселении встречены отдельные черепки, связывающие могильник с древним городищем.

Нам кажется, что могильник, исследованный экспедицией раньше, построен в центральной части холма, поселение же содержит материал тождественный с могильником.

При наших знаниях форму для отливки крупной бронзовой секиры, найденной в поселении Кармир-блур, трудно отнести к VII—

—VI в.в. до н. э.; она, несомненно, несколько древнее, ибо характерной чертой могильников VII—VI в.в. до н. э. является именно отсутствие крупных бронзовых секир и массивных мечей.

Уарты при сооружении своих крепостей, как, например, у Ташбуруна, Армавира, Нор-Баязета и др., не выбирали необитаемые до них холмы, а использовали места поселений, до них существовавших.

Так, уартские надписи свидетельствуют о том, что крепость Менуахинили, у современного Ташбуруна, была построена на месте города Лухиуни закавказского правителя Иркуа. Таким образом, вполне вероятно, что раскопанный могильник содержит материал, предшествующий возведению грандиозных построек в центральной части Кармир-блур. Крепость на Кармир-блуре относится к заключительному этапу истории Ванского царства, к периоду его последнего расцвета. Раскопки на Топрах-Кале, около Вана, дали большое число памятников, характеризующих разцвет уартской культуры того времени. Особенно интенсивно в Ванском районе проводил строительство уартский царь Руса, сын Аргишти.

После поражения 714 г. до н. э., нанесенного Уарту Саргоном, Ванское царство прекратило свою борьбу с Ассирией, оно оставило также свои притязания и на области Северной Сирии, потеряв, тем самым, свое господство над основными торговыми путями Передней Азии. Все свое внимание Уарту переносит на районы к северу от своего центра, в Закавказье. О большой заботе урартов именно об этих районах свидетельствуют макинская и звартноцская надписи.

На Топрах-Кале, во время раскопок, германской экспедицией была найдена глиняная табличка с клинописью, представляющая собою письмо местного правителя страны Ишкигулу, находившейся в Закавказье, к северу от г. Арагац. В этом письме рассказывается о построении в Закавказье города, названного именем Русы.

Древнее наименование крепости на Кармир-блуре нам неизвестно, клинообразные надписи еще не могут дать нам ответа на этот вопрос. Из всех уартских крепостей в Закавказье нам известны имена только трех пунктов: „Аргиштихинили“ (Армавир), „город бога Халда“ (Нор-Баязет) и „город бога Тейшебы“ (Цовинар).

Очень возможно, что такая большая уартская крепость, как Кармир-блур, была названа по имени самого уартского царя. Изучаемая нами крепость имела чрезвычайно важное значение для укрепления уартской государственной власти в Закавказье. Она находилась на северной окраине Айраггской низменности, территории, прочно освоенной урартами еще в начале VIII в. до н. э.

В кармир-блурской крепости находился уартский наместник со своим гарнизоном, на обязанности которого лежало наблюдение

за порядком, выполнением воинских и строительных обязанностей, а также за сбором подати и дани, поступающей в эту крепость Кармир-блур не был единственным урартским административным центром в Закавказье.

В это время, т. е. в VII в. до н. э., в Закавказье было несколько наместников. Об одном из них, заменившем местного правителя, упоминает Нор-Баязетская надпись: „Руса, сын Сардура, говорит: царя страны Уеликухи я покорил, рабом взял в плен, страну во владение захватил, наместника сюда поставил...“ В настоящее время мы не располагаем материалами по локализации урартских наместничеств в Закавказье VII в. до н. э., но определенно можно сказать, что могущественный урартский центр Аргиштихинили (Армавир) к этому времени потерял свое прежнее значение.

Линия развития урартских административных центров в Закавказье весьма интересна. Продвижение урартов в области к северу от р. Аракс началось еще в конце IX в. до н. э. Тогда центром на севере была крепость Менуахинили, у современного селения Ташбурун, на северном склоне Арарата. Урартские надписи свидетельствуют об исключительном значении этой крепости в деле расширения границ Ванского царства.

При Аргишти, сыне Менуа, долина Аракса была уже включена в территорию Урарту, и, естественно, что административный центр был также перенесен на север, на левый берег Аракса. На холме у современного селения Армавир была построена крепость, названная Аргиштихинили.

Клинообразные надписи времени правления Аргишти, сына Менуа, и Сардура, сына Аргишти, красноречиво говорят о важном стратегическом значении этого пункта. Отсюда снаряжались походы урартов в горные районы Закавказья, здесь находился урартский наместник, являвшийся полновластным хозяином области.

Во второй половине VIII в. до н. э. положение урартских наместников настолько возросло, что они начали даже вести борьбу против урартского царя.

В Куянджикском архиве сохранились интереснейшие ассирийские документы, свидетельствующие о конфликте, происшедшем между урартским царем Русой, сыном Сардура, и наместниками крупных областей Ванского царства.

В этих документах, являющихся информационными сводками ассирийских агентов относительно положения в соседних Ассирии странах, рассказывается о восстаниях в Урарту, поднятых против царя наместниками. Там излагается ход событий, отмечается переход войска на сторону мятежников, карательная экспедиция урартского царя в очаг восстания и, наконец, ликвидация мятежа.

В середине VIII в. до н. э. не только в Урарту, но и в Ассирии

наблюдается упорная борьба центральной государственной власти с чрезмерно усилившейся местной властью. Наместники, ставшие полновластными хозяевами своих областей, грозили развалить государство. Повидимому, и Руса, сын Сардура, по примеру Ассирии, повел решительную борьбу с местными правителями на окраинах своего государства. Это сказалось, в первую голову, на потере Армавиrom (Аргиштихинили) своего прежнего значения, как основного административного центра на севере. В Армавире, при большом количестве памятников Аргишти и Сардура, до сих пор не найдено ни одной надписи Русы, сына Сардура, да и ко всему второму периоду урартской истории относится только одна небольшая надпись последнего урартского царя Русы, сына Эримены.

Борьба с наместниками выразилась прежде всего в разрушении крупных административных центров с заменой их более мелкими. С этим именно процессом связано возникновение нескольких наместничеств в Закавказье. Но с течением времени к наместникам стала возвращаться их утраченная сила, и, начиная с середины VII в. до н. э., снова начинается усиление урартской администрации на местах.

Крепость на Кармир-блуре, несомненно, являлась местопребыванием урартского наместника, о чем свидетельствует дворец, раскопки которого велись в 1939 и 1940 г. г. Эта крепость—ценнейший урартский памятник в Закавказье, по которому можно изучать культуру Урарту и характер взаимоотношений этого древнего государства Передней Азии с первобытным Закавказьем.

В заключении следует остановиться на вопросе о времени гибели крепости Кармир-блур.

Как нам кажется, материал для суждения об этом дают нам результаты раскопок 1940 г. Мы уже упоминали, что при раскопках западного фасада дворца были найдены бронзовые наконечники стрел, отличающиеся по форме от найденных в основном слое.—Это трехгранные или реже двуперые стрелы со втулкой, на которой иногда имеется боковой шип (рис. 10). Тип этих стрел нам хорошо известен по материалу из Причерноморья, где он датируется началом VI в. до н. э. Они весьма обычны в скифских курганах именно этого времени.

Обстоятельства находок этих наконечников стрел на Кармир-блуре также весьма интересны. Большинство их найдено не в культурном слое, а в грунте, его перекрывающем, представляющем собою разрушенные сырцовые стены крепости. Таким образом, можно предположить, что стрелы находились в кладке стены. Некоторые из них имеют загибы на концах, образовавшиеся от удара о камень, а один наконечник стрелы был найден застрявшим в слое обмазки, перекрывающей каменный фундамент стены.

Таким образом, стрелы с этими наконечниками принадлежали врагам, которые обстреливали Кармир-блур. С этим согласуется и находка одного наконечника у внешней линии оборонительных стен северного склона холма.

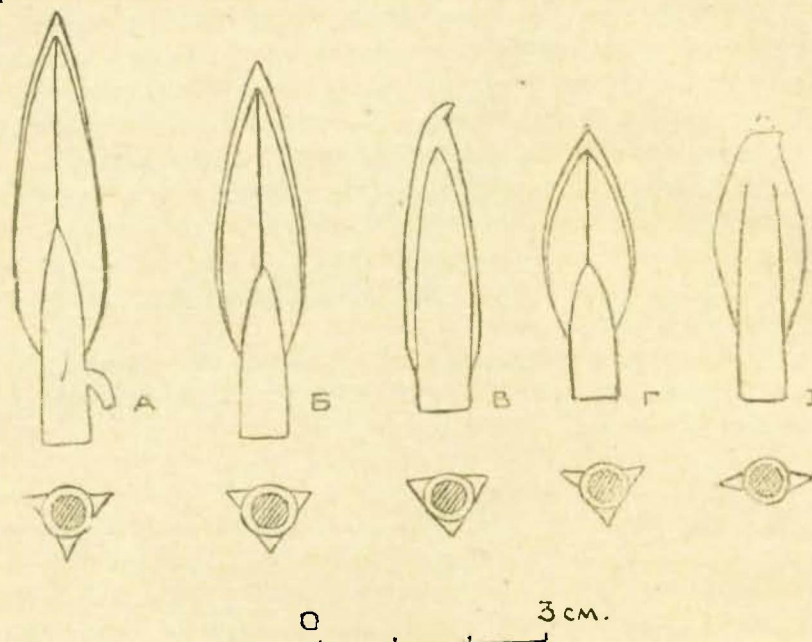

Рис. 10. Бронзовые наконечники стрел „скифского типа“.

Наконечники скифского типа стали обнаруживаться теперь на территории Закавказья. В прошлом году О. Егиазарян обнаружил их в размытом могильнике, или же в святилище, у с. Махмуджух, на западном склоне Арагаца. Трехгранные и двуперые наконечники стрел имеются также среди материалов из старых раскопок Ж. де-Моргана в Лорийском районе. Некоторые могилы в Самтавро (ок. Мцхета) также содержали подобные стрелы в комплексе с железными скифскими мечами.

При раскопках во многих местах Передней Азии были неоднократно находимы наконечники стрел вышеотмеченного типа. Встречены они наряду с совершенно отличными от них местными стрелами на Топрах-кале у Вана, в Хайнаберде, в Вавилоне, в Ашуре—столице Ассирии, в Сирии и даже в городах Египта. В Вавилоне и Ашуре они были встречены при раскопках оборонительных стен города и отнесены к врагам, осаждавшим город. Наконечники стрел скифского типа, найденные в Египте, египтологи также определенно относят к иноземным отрядам.

Очень вероятно, что эти бронзовые наконечники стрел не случайно тождественны со скифскими и их появление в Передней Азии

связано со вторжениями скифов через Закавказье в VII и VI в.в. до нашей эры.

В Вавилонской хронике, где описаны последние дни Ассирии, отмечается и исключительная роль кочевников и среди них, в первую голову, скифов в разгроме великих держав Передней Азии. Эти кочевники в ассирийских и вавилонских текстах назывались „*umap-manda*“, — термин, который раньше неправильно понимался, как „войско мидян“. Эти полчища кочевников являлись грозной силой; они несли гибель тем, кто оказывал им сопротивление.

Библия красочно описывает полчища кочевников, вторгшихся в Переднюю Азию: „Вот идет народ от страны северной, и народ великий поднимается от краев земли; держат они в руках лук и копье; они жестоки и немилосердны, голос их шумит, как море, и несутся они на конях...“

Повидимому, при одном из таких вторжений кочевников в Закавказье с севера в начале VI в. до н. э. и была разрушена крепость на Кармир-блуре.